

www.ilona-andrews.com

Перевод с английского языка

Аннотация к переводу

Маленькая фэнтезийная бесподобность. Была написана Илоной Эндрюс в черновом варианте для сети когда-то весной 2007 года, в 2012 году вновь опубликована в блоге, а в 2016 году восстановлена. О крылатых чудовищах со скалистых гор Северной Америки, магии неумирающей любви и еще о чем-то вполне необъяснимом.

От автора

14.08.2016

Это старая история. Мы уже постили ее прежде, около четырех лет назад, несмотря на все многочисленные недостатки. И это является чуть ли не сентиментальным преступлением. Кто-то внес ее в листинг «Гудридз», и читательница прислала нам электронное письмо, в котором спрашивала, где бы она смогла ее прочитать. Я попыталась восстановить старый пост, но не получилось. Приношу свои извинения всем тем, кто уже это читал. Как уже мною было сказано, это старая вещь, написанная до публикации «Клыков магии». Ну а с позитивной стороны дела, я добавлю пост на поисковую страницу, так чтобы его можно было с легкостью найти.

Илона Эндрюс

Синий ключик

(2007)

Фэнтези

Узнать больше о творчестве Илоны Эндрюс
можно на вебсайте <http://www.ilona-andrews.com/>

Источники:

<http://www.ilona-andrews.com/>

<http://www.ilona-andrews.com/a-small-blue-key/>

Перевод:
ANT

Днепр (Украина)
2018

#1

- Черт!

Но все-таки набитый ящик на треть выдвинулся. Марина загрохотала по нему, пытаясь растряссти все, что там было, чтобы разглядеть через выдвинутую часть. Менее чем через тридцать шесть часов вся семья должна сойтись в доме. У кухни был вид зоны боевых действий, в гостиной был хаос, а она все еще не купила «Зинфандель» для того, чтобы замариновать ножку ягненка. И к тому же еще проросли зубки у чеснока, так что ей придется приобрести несколько луковиц.

Ящик сопротивлялся тряске. С досады она отступила назад, скрестила руки на груди и свирепо глянула на него:

- Открывайся!

Что-то хрустнуло, и с резким треском дерева ящик раскрылся, его ролики тормозились по дрожащему деревянному каркасу. Промелькнул маленький предмет и попал прямо ей промеж глаз.

- Ой!

- Что ты там уже сломала? - поинтересовался из гостиной Грегори.

- Ничего!

Она выбросила расщепленную деревянную ложку в мусорное ведро и нагнулась для того, чтобы подобрать с пола ударившую ее шутовину. Ключ. Синий ключик, теплый на ощупь. Она не могла припомнить видела ли его прежде. Как странно...

Голос брата выдернул из размышлений, привлекая ее внимание:

- Что ты там ищешь?

- Открывалку для консервов.

- Та открой просто другим способом.

На исследование ключика сейчас не было времени. Марина бросила ключ назад в ящик и перерыла его содержимое. Отвертка, клейкая лента... В теперешнем состоянии ее головы открывать консервную банку «другим способом» было не очень хорошей идеей, если бы только она не запланировала приготовление пирога из тыквы прямо в консервной банке. Бамбуковые шпажки, опять синий ключик... Кончики пальцев задели ключ, и почувствовалось легкое покалывание кожи, похожее на искрение электрического разряда.

Зазвонил телефон. Она подняла его.

- Да?

- И как там моя любимая племяшка?

Отблеск тепла в голосе Лилиан был слишком тонким, чтобы обдурить ее. Она купилась на него, когда была маленькой девочкой. Раньше она любила посещать Лилиан, пока не вычислила: все, что ее тетюшка желала - пустить пыль в глаза своим друзьям при помощи хорошенькой и яркой племянницы, которая была подобна сообразительной собачке, выделяющей прелестные трюки.

- Занята! - сказала Марина. - А ты как?

В гостиной поднял голову Грегори, который оторвался от страницы с уравнениями по ядерной физике на какое-то время, достаточно длительное для того, чтобы закатыть глаза.

- Я бы хотела, чтобы ты знала: ко дню рождения я скидываю на счет пятьдесят долларов, - заявила Лилиан.

- Спасибо тебе огромное.

- Ну, мы не можем делать это очень часто, но зато день рождения у бабушки только раз в году, и не так уж много из них у нее осталось.

«А ты уже и дожидаться не можешь», - чуть не сорвалось с губ Марины, и она их прикусила.

- Мы все очень ценим твою помощь.

- Да, ну, я намеревалась тебе сказать, что Роджер хочет «Цыпленка в орехах». Он уже неделю ему чудится.

Лицо Марины исказила гримаса:

- В этом году я приготавливаю ягненка...

- Я уже пообещала ему, что ты будешь делать цыпленка. Ты ведь знаешь, как он любит стряпню своей кузины.

Гудение возвестило о входящем вызове.

- Извини, я мигом. У меня другой вызов...

Нажатие на кнопку - и пронзительный голос бабушки наводнил телефон:

- Марина? Ты там?

- Да, бабушка.

- Хочешь, я загляну к вам?

«Господи, нет», - взмолилась Марина.

- Нет, я думаю, что мы довольно-таки хорошо справляемся и сами. Но я позвоню, если будет нужна твоя помощь.

- Тебе не нужно беспокоиться о десерте. Шоколадный торт делаю я, - заявила бабушка.

Воспоминание о сделанном бабулей в прошлом году «Наполеоне» еле протолкнулось перед Мариной, и она чуть не подавилась.

- Торт? - каркнула Марина. - Это так мило. Но ведь это твой день рождения. Почему бы тебе слегка не расслабиться - а я сделаю торт.

- Нет, ты не знаешь, как правильно его сделать.

- О, да, бабуль, она не наложит в свой торт протухшую сметану! - прокричал Грегори.

Марина ненавидела, когда он усиливал звук для того, чтобы подслушивать. Она шлепнула рукой по телефонной трубке и тихо прошипела, как отрезала:

- Прекращай!

- Марина? - голос бабушки стал тревожным. - Марина?

- Я желаю тебе хорошенько отдохнуть, - сказала она. - У меня Лилиан на другой линии...

- Как она?

- Я уверена, что неплохо. Почему бы тебе не позвонить ей через минутку? Бабуль, мне реально нужно сейчас идти.

Она нажала на кнопку, и ее поприветствовал сигнал разрыва связи. И снова маневры Лилиан поменяли ее планы. Теперь ей придется готовить цыпленка. А она все еще не нашла открывалку.

На кухню забрел Грегори и подобрал банку консервированного пюре из тыквы. Она почувствовала, как он концентрируется на консервной крышке. Тонкий невидимый усик усилия растянулся между глазами брата и консервной банкой подобно туго натянутой рыболовной леске. Консервная банка медленно повернулась от легкого намека на толчок его пальца, и крышка отделилась от верхнего торца банки.

- Ух. Она повесила трубку?

- Да.

- Теперь тебе придется приготовить цыпленка.

- Да.

Она забрала у него банку и вывернула ее содержимое в металлическую миску. Что-то лязгнуло.

- Зачем ты это делаешь каждый год? - Грегори прислонился к шкафу. - Они придут и будут ждать, когда их накормят, а за пожертвованные жалкие пятьдесят баксов захотят, чтобы были расцелованы их жопы, и таким образом, мы сможем купить бабуле подарок, на который она еще и жаловаться будет. И никто тебе даже пальцем никогда не поможет.

- Ты поможешь, - произнесла она, подталкивая к нему банку сгущенного молока.

Он отодрал крышку, а она вывернула банку в тыквенное пюре.

- Ну, ты ведь знаешь, о чем я. Когда в последний раз Лилиан или Светлана предлагали помыть за всеми посуду? Или приходили пораньше, чтобы помочь накрыть на стол? У нас аж четыре кухни, и сколько из них пришло помочь бабуле с яблоками? Ни одна. Но все они получают часть сделанного тобой джема. Они приходят, они едят, они ставят в позу и уходят. Как монголы.

- Я это делаю не для них. Я делаю это для бабушки, - сказала она.

- Почему? Не похоже, что все мы так сильно ее заботим.

- Она по-своему нас любит.

- Если бы она так сильно нас любила, то оставила бы нам дом деда.

Упрекам о доме никогда не удавалось ее разозлить. Она положила ключ на стойку и достала из холодильника лоток яиц.

- Дело не в этом доме. Я делаю это не ради подачи. Я делаю это, потому что она наша бабушка.

- Она сварливая и любит манипулировать.

- Грегори, она старая и беззащитная, - Марина с треском открыла крышку лотка.

- Возраст - не оправдание для того, чтобы быть жопой.

- Это было непочтительно по отношению к твоей бабуле и ко мне.

Он скрестил руки:

- Уважение должно быть заработано. Ты позволяешь каждому переступить через себя. Они поступали так с мамой, а теперь делают это с тобой.

Она сверкнула на него глазами. Тонкие линии перекрестили растрескивающиеся верхушки яиц.

- А тебе что, к экзамену уже не надо готовиться?

Грегори пошел в гостиную. Марина выбрала из лотка два яйца и расколола их в большую миску. Хуже всего то, что он отчасти был прав. Относительно дома. Она любила этот дом. Дед отстроил его с нуля. Они игрались в нем, когда были детьми. С весны до середины осени она проводила там большую часть уикендов, поддерживая сад с двумя дюжинами фруктовых деревьев. А теперь Лилиан, которая не могла отличить яблоню от ореха, собиралась это все заполучить.

Она видела, как все происходило, и ничего не могла с этим поделать. Это было похоже на крушение поезда в замедленном движении. Сперва бабушка всем дала понять, что пишет завещание. Затем каждый раз, когда она наносила визиты для сбора клубники, высадки помидоров, обрезки винограда, бабушка предпочитала висеть на телефоне с Лилиан. В конце концов, она услышала заявление от тети Эшли: «О, между прочим, ты слышала? Мама оставляет свой дом моей сестре».

Затем позвонила бабушка и тоненьким голоском по телефону сказала: «Ты ведь не сердишься на меня, а? Дети, я все время только то и делаю, что забочусь о вас».

У Марины вырвался смешок, она добавила сгущенное молоко к яйцам и выскребла тыквенное пюре в эту миску: «Заботится о нас. С каких это пор?» Наибольшим из того, что она когда-либо сделала, была уборка крыльца время от времени, и в честь этого ей уже хотелось торжествовать. Когда дед был живым, только он один...

Марина сделала глубокий вдох. Никакой пользы не было в том, чтобы принуждать себя так пахать. Да, она могла бы присосаться к бабуле и получить дом, но оно, в конце концов, того не стоило. Она вставила миксер и включила его.

Раздался звон металла, словно между лопастями что-то зацепилось. Она вырубил миксер и выудила ложкой из микса для пирога... синий ключик.

Марина выдернула его из микса и прополоснула под водой. Она могла бы поклясться, что положила его назад в ящик.

- Как ты туда попал?

Ключ засиял ярким свечением цвета индиго.

Когда она была маленькой девочкой, ей доводилось смотреть на звезды с огромным желанием, чтобы хоть одна упала в спальню. Вот такое, похожее, возникло ощущение тепла и комфорта от своего рода внутреннего зажигания.

Позже, вместе с приятно распространяющимся по дому ароматом тыквенной пряности от пирога из духовки, она пошла взглянуть на брата. Он сделал вид, что не замечает ее стоящую рядом.

- Ты прав, - сказала она. - Я действительно хочу дом. И ты прав насчет семьи - они придут, поедят и уйдут. Но если я не сделаю это для нее, то и никто не сделает. А на свой день рождения она будет оставаться в полном одиночестве.

Он пожал плечами:

- Прости. Мне не следовало говорить... всякую дрянь.

Она отклонила его извинение взмахом руки:

- Расскажи мне об этом ключе, и не будем даже вспоминать.

Он сбалансировал ключ на своем указательном пальце:

- Странно.

- И я также подумала.

Грегори лизнул бородку ключа.

- Чердак, - сказал он.

- Ты уверен? А то в последний раз, когда ты говорил что подвал, оказалось что чердак. Я потратила два часа на поиски в подвале.

- Это была закономерная ошибка, - сказал он. - Тот крючок держали в полной грязи коробке. На нем везде была почвенная сигнатура.

- Окей, - она взяла ключ с его пальца. - Я установила таймер для пирога. Если он зажужжит, выключай духовку и дай мне знать. Мне еще много чего придется сделать, но пока пирог не готов, я не могу закончить.

- А ты не хочешь, чтобы я вытащил пирог? - в его глазах затанцевали дьявольские искорки.

- Нет, потому что ты его съешь. Грегори, обещай мне, что к пирогу не притронешься.

Он вскинул свою руку:

- Обещаю.

- В холодильнике есть шоколадный торт. Обещай также не дотрагиваться и до него.

- Да не съем я твои пироги, пока ты ищешь сокровище. И прикасаться, и даже приближаться не буду.

- Хорошо.

Она добралась до узкой лестницы и поднялась по ней на чердак.

#2

Марина поднажала, открывая люк, и поднялась на пыльный деревянный настил. Ее окружила странная мешанина из предметов. На узкую полосу пола, представляющую собой единственное место, которое пощадили от того, чтобы завалить хламом, из треугольного окна проливался солнечный свет. Она уселась на пол, не волнуясь о цепляющейся к джинсам пыли, и понаблюдала за танцующими по пыли солнечными зайчиками. Она только раз спросила у мамы про чердак. «Это место, куда складываются несущественные вещи», - ответила та. Теперь на этом чердаке целиком впихивалась вся их история. В первый год после смерти мамы по обыкновению она приходила сюда поплакать, где бы Грегори не смог ее услышать. Теперь к ней пришла боль, знакомая и беспощадная, подобно старому злому врагу. Она поспешила оттолкнуться от пола, чтобы занять себя прежде, чем боль смогла бы погрузить в нее свои зубы и распотрошить зажившую рану.

Ключ был слишком маленьким для дюжины сундуков, находящихся прямо на виду. Он должен подойти к чему-нибудь маленькому. Вроде шкатулки с драгоценностями.

Она переползла через большой ящик и наткнулась на деревянный сундук, в котором, она знала, содержались ее материалы из колледжа. Она откинула крышку и взъерошила кипу распечаток. «Роль ретросинтетического анализа в

проектировании гетероциклических соединений». «Роль женщин в ранней династии Плантагенетов».

«Почему я храню их», - изумилась она, дотрагиваясь в углу до красной отметки «96%».

Ответ пришел к ней из выцветших чернил наполовину забытых формул: «Чем дольше они у меня, тем дольше я могла бы сюда возвращаться».

«Но, может, потом... После окончания учебы Грегори», - рассудила она.

Марина открыла ладонь и посмотрела на ключ. Он лежал в руке подобно лучику синего света. Она прикоснулась к нему кончиком левого указательного пальца и почувствовала исходящий из нее побудительный импульс. Дюжина белых точечных огоньков появилась и затанцевала на металле, иллюминируя ключ изнутри. Они мерцали, перемещались и объединились в финале на кончике ключа.

- Давай поиграем в игру, - улыбнулась Марина и наклонилась вперед.

Огоньки переместились влево.

Она поворачивалась до тех пор, пока они опять не были на кончике. Вперед, вправо, над, чуточку влево... Это было там, под ящиком, толстый том в кожаном переплете. Она вытянула его на свободу и сдула пыль с обложки. Маленький замочек не давал книге открыться.

«Без названия, - пришла в недоумение Марина. - Как странно... А, ну да, есть один способ узнать, что это такое».

Она легонько вставила ключ в замок, и он сам по себе повернулся. Кожа, которая охватывала закрытый том, шлепнулась в разные стороны. Подобно запертым в клетке птицам, которые бьются, чтобы выбраться на свободу, зашелестели страницы. Марина осторожно открыла обложку и чуть не задохнулась от такой знакомой теплоты, которая накрыла ее. Старинная энергия вихрем поднялась со страниц, переполняя комфортом и захватывая дух. Затаив дыхание, она села в этот водоворот. Первую страницу украшала фотография - человек, больше чем сама жизнь, седые волосы в полном контрасте к зарослям черных бровей, широко расправленные плечи. С этой фотографии на нее столько всего смотрело - сила, гордость, доброта. Ее глаза наполнились слезами.

- Дедушка, - нежно прошептала она.

Ей улыбнулось изображение:

- Привет, милая. Я по тебе скучаю.

- Я тоже скучаю.

- Не плачь, милочка. Не надо.

- Как ты? - спросила она, пытаясь скрыть слезы, но они ручьями потекли по ее щекам. - Как оно там - где сейчас ты?

- Без вас обоих везде плохо, - сказал он. - Но не спеши присоединяться ко мне.

- У бабушки день рождения, - пробормотала она, не зная, что сказать.

- Ты делаешь для нее ягненка?

- Да.

- Спасибо, - сказал он. - Как она держится?

Она попыталась соврать сквозь слезы, но не смогла.

- Так себе. Она забывчивая и...

- Сложная? - предположил он.

Марина безмолвно закивала.

- Она всегда была такой, - сказал дедушка. - Очень гордая. Ей больно признавать, что она нуждается в ком-то. - Страницы перевернулись: - Смотри сюда, - сказал он.

Всю страницу занимала фотография. Двое смеющихся людей. Женщина с волосами подобными медовому потоку вниз по спине. Горячие глаза на красивом лице. Рядом с нею мужчина с бронзовым загаром кожи, рукой обнимающий ее за плечи, не как обладатель, а нежно и бережно. А над ними грифон, пикирующий с головокружительной скалы, словно полоска золота напротив красной горы. Все это тянуло ее как магнит - так много могущества сфокусировалось только в одном падении. Марина прикоснулась к золотым перьям - и почувствовала скорость, разрывы ветра под крыльями, стремящуюся к ней с ужасающей быстротой землю. И ее сердце с невероятным трепетом издало трель.

- Скалы Бургундии, - догадалась она.

- Она любила грифонов, - сказал он. - Ну прям, как и ты.

Ошеломленная Марина отклонилась назад.

- Помнишь, как обычно я брал вас туда? - произнес он. - Вы были такими маленькими.

- Да, помню.

И как она могла такое забыть? Могущество, которым обладала ее семья, было частью их жизни, как обыденность, как вождение автомобиля или выпечка пирога. Но падающие с гор грифоны, подобно золотому водопаду, падающие так быстро, с такой тотальностью предающиеся своему пике только для того, чтобы пронестись над землей и устремиться ввысь - это было настоящим волшебством.

Он вздохнул:

- Она всегда хотела туда съездить, но никогда не хватало денег даже на нас троих. Даже не было достаточно для нас двоих, без моей скидки железнодорожного диспетчера, которая распространялась только на меня.

- Она оставалась дома для того, чтобы я смогла поехать. Я бы никогда не додумалась... - прошептала Марина.

- Она не хотела, чтобы вы знали. Она всегда считала, что одолжение порождает презрение, и не хотела, чтобы вы чувствовали себя чем-то обязанными, и поэтому учила обижаться на нее. Она так сильно вас любила.

Марина прикусила губу.

- Ты ведь не обижаешься на нее, милая, а? - спросил он.

- Нет, дедушка. Нисколько.

- Марина! - долетел из кухни голос Грегори. - Пирог готов!

Марина посмотрела еще разок на парочку с фотографии:

- Вы были такими молодыми, - прошептала она.

- Никто не может вечно оставаться молодым. Но мой тезка зовет тебя.

- Мне лучше пойти, - сказала она, задаваясь вопросом, не разорвется ли ее сердце.

- Приходи ко мне в любое время, - сказал он. - Я буду ждать.

Она осторожненько закрыла книгу.

#3

Этой ночью за вечерним кофе и бутербродами с салями Марина все рассказала Грегори.

- На счету в самый раз хватает собранных ко дню рождения денег.
- Они с тебя живой сдерут кожу, - сказал Грегори.
- Та ладно, - парировала она. - Оно того стоит. Я должна это сделать.
- Почему?

Она покачала головой, думая о молодой женщине с медовыми волосами и грифонах, которые усаживались на остро выступающие скалы.

- Для нас обоих, для нее и меня. И это то, что я не смогу объяснить. Тебе все самому придется выяснять.

#4

Утром Марина встретила их на крыльце. Они пришли одновременно, словно боялись прибыть слишком рано. Она наблюдала за тем, как они парковали свои автомобили и как приближались к крыльцу. Ее дяди и тети, кузены и кузины. Марину поразило, какими угасшими они выглядели, как будто страдали от пребывания здесь.

- Мы не рано? - спросила Лилиан.
- Нет, вечеринки сегодня не будет, но добро пожаловать на обед. Скромненький.
- Где мама? - спросила Эшли, обыскивая глазами двор.
- Она получает удовольствие от своего подарка на день рождения, - сказала Марина, скрестив руки на груди. И улыбнулась.

Оставаться на обед они отказались.

Марина видела, как они уходят, присев на крыльце с чашечкой горячего сидра. Над нею было небо, золотое от солнечного света. Она смотрела на него и думала о золотых грифонах. Не удивительно, что Грегори не понял. Он никогда их не воспринимал. Он никогда не чувствовал свободу, которую они несли. А она почувствовала, и это воспоминание жило в ней: такая до боли пронзительная красота. Оно прорезалось сквозь туман времени, ясное как кристаллический осколок, и не имеет значения, что преподносила жизнь, это воспоминание она холила и лелеяла. Не поддающийся измерению подарок. Марина улыбалась и потягивала сидр маленькими глотками: «Забавно, как люди, которых думали вы, что знаете, могут вас удивить».

#5

Миновав много-много миль, Грегори помогал бабушке сойти с поезда.

- Мы опоздаем на вечеринку, - сказала она. - Зачем ты меня сюда притащил? Где мы вообще?
- Бабуль, просто пошли со мной.

- Я думаю, нам лучше вернуться.

- Хорошо, мы вернемся. Только через минутку. Сперва я хочу тебе кое-что показать.

Он повел ее к каменистой тропинке за железнодорожной станцией. И они пошли по извилистой дорожке, которую ограждали стальные перила.

- Ты заставил меня пройти весь этот путь, аж вот досюда, только для того, чтобы что-то мне показать? Билеты должны были стоить целого состояния. Все эти деньги зря про...

Дорожка повернула - и она затихла. Перед ними разлеглось огромное ущелье, трещина в горном панцире Земли. Внизу, подобно блестящей змее, вила свой путь серебряная река. Красные скалы баюкали воду, скребя по небу своими острыми выступами.

Он осторожно повел ее на возвышающийся мост, который пересекал разрез ущелья, и нашел хорошую точку обзора у перил. По пропасти мчал ветер, обвевая их лица, и они захлебывались от воздуха, насыщенного влагой реки и пьянящим медовым ароматом мелалеуки, которая покрывала лоно долины, раскинувшейся у подножия скал. Мост был таким эфемерным и незначительным по сравнению с колоссальной перспективой, которая открывалась перед ними, будто вовсе и не существовал, а они словно просто зависли в воздушном пространстве.

На вершине высокой скалы золотой грифон расправил крылья и выкрикнул хриплое приветствие. Грегори услышал вздох и нежно обнял свою бабушку. Величественное чудовище заколебалось на краю и, подобно живому пламени, предприняло решительный шаг. Оно спикировало и в самый последний момент увернулось, бросив вызов гравитации при помощи могучих крыльев, скользя вдоль земли, а затем, вздымаясь ввысь для того, чтобы свободно и ничем не ограничиваясь парить.

Бабуля ртом ловила воздух. Грегори обнял ее сильнее.

За первым последовали другие, широко расправленные крылья, наполненные горячей магией янтарные глаза. Пожилая женщина прислонилась к внуку и наблюдала, как на пару ее собственным слезам плакали золотыми слезами горы.

